

Глава клана Камо говорил витиевато, тщательно подбирая слова и увиливая от сути. Сатору Годзё быстро потерял терпение. Из его пальцев вырвался короткий, но мощный импульс проклятой энергии. Поток пронёсся прямо перед столом и с тихим шипением выжег в деревянном полу глубокую дымящуюся лунку. Мужчина напротив мгновенно замолчал, растеряв всю свою напыщенную спесь.

— Хватит болтовни, — отрезал Сатору. — Эту штуку я забираю себе. А вы займитесь уборкой того дерьма, что он здесь устроил.

Годзё ни за что не согласился бы оставить Кэндзяку клану Камо. За целую тысячу лет эти недотёпы даже не заметили, что над их собственными родичами проводят чудовищные эксперименты. Очевидно, что усадьба Камо не сможет удержать под замком столь древнего и изворотливого паразита. Сама встреча с главой клана была для Сатору лишь пустой формальностью — поводом переложить на них уборку последствий и найти удобного козла отпущения.

— Это грешник из рода Камо, и судить его должны мы по нашим законам, — упрямо повторил глава клана, запевая старую песню.

Он всё ещё не знал, что Сатору овладел обратной проклятой техникой. Пожилой маг полагал, что хотя мальчишка и невероятно силен для своего возраста, превосходящие силы клана вполне способны отбить добычу, если проявить твёрдость и надавить авторитетом.

Сатору лишь мысленно закатил глаза. До чего же непрошибаемый старик. Он уже всерьёз прикидывал, не разнести ли к чертям оставшуюся половину усадьбы Камо, как вдруг сидевший рядом Сюдзи Цусима молча взял стеклянный сосуд с Кэндзяку и неторопливо пододвинул его на середину стола.

Сатору мысленно хмыкнул. Его голова, и без того раскалывавшаяся от перенапряжения, окончательно отказывалась понимать, что задумал Сюдзи. Однако он доверял мальчишке: тот ни за что не отдал бы добычу просто так. Поэтому Годзё прикусил язык и решил молча понаблюдать за развитием событий.

— Мы можем уступить его вам, — неторопливо произнес Сюдзи. Он сидел с безупречно прямой спиной, и в каждом его жесте сквозила аристократическая небрежность истинного наследника великого рода. — Но с одним условием: вы должны забрать его лично, прямо сейчас.

Глава клана заколебался. В Сюдзи он не чувствовал ни крупинки проклятой энергии, а потому невольно отнёсся к ребёнку с пренебрежением. Подумав мгновение, он решил рискнуть и протянул руку к сосуду.

Но стоило его пальцам коснуться стекла, как Кэндзяку, до этого мирно лежавший в руках Сюдзи, словно среагировал на смертельную угрозу. Из сосуда хлынули густые, чернильно-чёрные струи проклятой энергии, стремясь впиться в плоть мужчины и захватить его тело.

Похоже, совместный удар Сатору и Сюдзи настолько сокрушил паразита, что тот до сих пор не пришёл в себя и действовал лишь на чистых рефлексх самосохранения.

Лицо главы клана исказилось от ужаса, и он резко отдернул руку. Сюдзи, предугадав это движение, ловко подхватил падающий сосуд у самого пола и спокойно прижал его к себе.

— Если даже вы, глубокоуважаемый глава, едва справляетесь с отголосками силы Кэндзяку, как вы планируете поручить его охрану рядовым магам вашего клана? — Сюдзи смерил собеседника холодным, изучающим взглядом. — Поверьте, то, что им займёмся мы — лучший исход для всех.

С этими словами мальчик протянул вперёд ладони, демонстрируя абсолютно чистую, невредимую кожу. На ней не осталось ни единого следа от буйства проклятой чёрной жижи.

— У меня тоже есть врождённая техника. Я называю её «Аннулированием».

Сюдзи многозначительно улыбнулся, с удовольствием наблюдая, как округляются от изумления глаза главы клана. Он прекрасно осознавал истинную ценность своего дара. Любой маг, каким бы опытным он ни был, и любое проклятое существо при соприкосновении с ним мгновенно лишались сил, превращаясь в беззащитную мишень.

— Не беспокойтесь, мы можем прямо здесь закрепить наше соглашение нерушимым обетом с молодым господином Годзё, — мягко продолжил Сюдзи, видя, как спесь собеседника окончательно улетучивается. — Мы обязуемся хранить молчание о том, что сегодня здесь произошло. Взамен ваш клан берёт на себя всю грязную работу по ликвидации последствий экспериментов Кэндзяку.

— Позвольте узнать... как ваше имя? — приглушённым от изумления и страха голосом спросил мужчина.

— Сюдзи Цусима.

— Господин Цусима, не желаете ли вы рассмотреть возможность сотрудничества с кланом Камо? Нам бы очень пригодилась ваша помощь в зачистке наследия этого монстра. Разумеется, клан Камо щедро вознаградит вас за труды.

Какая поразительная гибкость ума: стоило понять, что древний паразит безвозвратно уплывает из рук, как старый лис тут же попытался переманить к себе ценный ресурс в лице Сюдзи.

— Обойдётесь! Нашему клану Годзё и самим всего хватает, — бесцеремонно вклинился Сатору.

Быстро состряпав нерушимый обет и связав главу Камо жесткими обязательствами, Сатору подхватил Сюдзи и остальных, поспешно ретируясь восвояси.

— Аргх... как же паршиво, — простонал Сатору, едва переступив порог дома.

Он без сил рухнул прямо на пол, мгновенно растеряв весь свой недавний грозный вид. Зажмурившись от режущей боли в глазах, он зажал лицо ладонями и принялся вслепую шарить вокруг в поисках запасных темных очков.

— Держи, горе-воитель, — раздался тихий голос. Сидевший ближе всех Сюдзи протянул ему футляр.

— И зачем ты выболтал ему про своё «Аннулирование»? — недовольно проворчал Сатору, нацепив очки на нос и блаженно растягиваясь на татами. — Я бы его просто размазал там.

— Да неужели? Рассказывай сказки, — хмыкнул Сюдзи, закатив глаза. — В твоём тогдашнем состоянии ещё одна стычка с главой клана окончательно бы превратила твои мозги в кашу. А мне совсем не улыбалось тащить домой пускающего слюни калеку.

— Вообще-то я владею обратной проклятой техникой... — буркнул Сатору, отворачиваясь. А затем, едва слышно, добавил: — Но... всё равно спасибо.

Сюдзи лишь едва заметно улыбнулся.

Впрочем, их неловкую беседу быстро прервали. В гостиную ворвалась Акико Ёсано. Смерив компанию суровым взглядом, она без лишних церемоний утащила Сатору, Масамичи Ягу и Кавеха, который наконец-то вернул себе человеческий облик, в свой процедурный кабинет. Комната, заставленная жуткими медицинскими инструментами, навевала ужас на любого здорового человека. Там Акико устроила им тотальный осмотр.

— Ну и ну, герои выискались! — ворчала Акико, протирая спиртом скальпель. — Один овладел обратной проклятой техникой, но напрочь забыл о ней в бою, второй ходит с пробитым сердцем и делает вид, что всё в порядке!

Она безжалостно пустила в ход свою способность. Каждому из троицы пришлось пережить незабываемые секунды балансирования на грани жизни и смерти, прежде чем их тела полностью исцелились.

— Невероятно... — прошептал Масамичи Яга. Он уже сбился со счета, в какой раз эти дети заставляли его лишаться дара речи. Мужчина осторожно коснулся груди, где ещё недавно зияла рана. Кожа была абсолютно гладкой. По венам струилась чистая, бьющая через край сила. Яга сжал кулаки, чувствуя себя настолько здоровым, что, казалось, мог бы голыми руками повалить быка.

— Это всего лишь обратная проклятая техника, — безапелляционно отрезала Акико, не терпящим возражений тоном.

«Что ж, пусть будет обратная проклятая техника», — мысленно согласился Яга. Он прекрасно понимал, что её дар не имеет ничего общего с шаманскими техниками, но, заметив нежелание девушки привлекать лишнее внимание к своим силам, охотно подыграл ей. Чтобы закрепить тайну, они даже заключили нерушимый обет взаимного молчания.

— А он неплохой человек, — мягко заметила Акико, глядя вслед уходящему Яге.

— Ещё бы... — отозвался Сатору, поправляя очки. — Всё-таки он единственный учитель, которого я признаю даже в будущем.

— В будущем? Ты заглянул вперед? — чуткий слух Акико мгновенно уловил скрытый смысл в его словах.

— Ну... да, — нехотя протянул он.

— Ладно, иди уже. Всё равно все наши собрались у двери, — Акико легонько подтолкнула Сатору к выходу. — Расскажи им всё, не держи в себе, иначе взорвёшься, как пороховая бочка.

Она распахнула дверь, за которой обнаружилась целая толпа домочадцев, увлечённо подслушивающих разговор.

Быть пойманными с поличным никого не смутило. На их лицах не отразилось ни капли стыда. В конце концов, разве забота о близких может называться «подслушиванием»? Это просто один из альтернативных способов семейной коммуникации.

Не успел Сатору опомниться, как его усадили во главе стола, заставив чувствовать себя почётным гостем на каком-то праздничном чаепитии. Перед ним высились горы всевозможных сладостей и закусок.

Кавех беззвучно, одними губами спросил у сидящего напротив Аль-Хайтама:

\* «Твоих рук дело?»\*

Аль-Хайтам едва заметно кивнул в ответ:

\* «Вроде того»\*

Окружённый этой странной смесью дружеского допроса и искренней теплоты, Сатору наконец разомкнул губы. Его вечное упрямство дало трещину.

— В том будущем, где вас не было... я погиб, — глухо произнёс он.

Эта фраза разорвалась посреди комнаты подобно грому среди ясного неба. На лицах присутствующих застыл немой вопрос.

— У меня был лучший друг, Сугуру Гето, — монотонно, словно зачитывая чужой приговор, продолжил Сатору. — После его смерти Кэндзяку забрал его тело. Потом я стал преподавателем в Колледже магии. Моих учеников предали Высшие чины мира магов, затравили проклятые существа и этот паразит Кэндзяку вместе с Сукуной. Меня запечатали в Тюремной обители. Пользуясь лицом Сугуру, Кэндзяку развязал Смертельную миграцию. Сукуна переселился в тело другого моего ученика. Когда мне удалось вырваться на волю, мы сошлись в смертельной схватке. И я проиграл. Я умер. А следом за мной погибли и все те, кто мне был дорог. Вот и всё. Конец истории.

«Вот и всё»? Да от этой будничной интонации мороз по коже драл!

Сюдзи Цусима, который до этого момента искренне считал судьбу своего двойника из мира BEAST вершиной трагизма, теперь сидел бледный как полотно. Оказалось, чужая бездна была куда глубже и беспросветнее, и заглянуть в неё было по-настоящему страшно.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Младшие ребята растерянно переглядывались, не зная, какие слова подобрать в такой момент. Не найдя ничего лучше, они принялись дрожащими руками пихать в ладони Сатору сладкие дайфуку, наивно надеясь, что привычное лакомство хоть немного утишит его душевную боль.

— Но мы ведь только что поймали Кэндзяку! — нарушил молчание один из гостей. — Оставим его Акико, она его на атомы расщепит!

— То была чужая временная линия. Здесь ничего этого ещё не случилось.

— Этот твой Сукуна... Как он планирует возродиться? Великий Ранпо лично разгадает его замысел и перекроет ему кислород!

— Не переживай, братец Сатору! Мы начистим им рожи!

— Кстати, а где сейчас шляется этот твой лучший друг? Давай разыщем его прямо сейчас, отпинаем для профилактики и заставим тренироваться так, чтобы он больше никогда не смел подышать!

Слова поддержки сыпались со всех сторон. Увиденное Сатору грядущее казалось настолько чудовищным и несправедливым, что никто не мог примирить этот кошмарный образ с живым, невыносимо заносчивым Годзё, сидевшим перед ними.

Сатору выглядел непривычно поникшим. Он даже не снял свои темные очки, а заботливо подsunутые пирожные так и остались лежать на столе нетронутыми.

Глядя на это зрелище, Кавех почувствовал, как у него заныло в груди. Сердце разрывалось от щемящей, острой жалости. Это было похоже на то, как если бы роскошный, белоснежный домашний кот, которого холили и лелеяли, вернулся с прогулки израненным, перепачканным в грязи и теперь лишь тихо, жалобно мяукал в углу, не в силах зализать раны. На него невозможно было смотреть без слез.

А ведь перед ними сидел великий и ужасный Сатору Годзё — человек, чья сила превосходила любые мыслимые границы, взбалмошный и заносчивый юный гений, привыкший смотреть на мир свысока. И видеть этого вечного задиру таким беззащитным и надломленным было невыносимо. Кавеху безумно захотелось прямо сейчас сорваться с места и лично свернуть шею каждому, кто посмел причинить этому ребёнку боль.

— Ну надо же... — вздохнул Кавех и мягко, ласково погладил растрепанные белые волосы Сатору.

Знать своё будущее заранее — тяжёлая ноша. Для Сатору это знание стало одновременно и спасением, и проклятием. Он ещё не успел по-настоящему подружиться с теми людьми, а груз ответственности за их жизни уже мёртвой хваткой вцепился в его плечи. Ему придётся спасать их, метаться, ломая судьбу, даже если они никогда не узнают, от чего их уберегли. Кто-то, пытаясь предотвратить неизбежное, лишь ускоряет предначертанное; кто-то пытается бежать, но холодный призрачный призрак памяти настигает вновь и вновь.

Но теперь всё изменится.

— Делай то, что считаешь нужным, Сатору, — тихо, но твёрдо произнёс Кавех. — И никогда не забывай: у тебя есть мы.

Теперь, когда они разделили это знание на всех, они ни за что не позволят мальчишке в одиночку пробиваться сквозь тернии предначертанного рока.

Сатору показалось, будто в его ушах с тихим звоном треснула невидимая стеклянная стена, отделявшая его от мира. Сквозь эту брешь хлынул поток голосов — суетливых, шумных, спорящих, но таких бесконечно родных и тёплых.

— Угу, — буркнул он, утыкаясь носом в плечо Кавеха.

Сатору крепко зажмурился. Обида и горечь всё ещё сидели где-то глубоко внутри, но теперь они больше не заполняли всё его существо без остатка.

Ведь теперь он был не один.

И если рядом с ним идут такие люди, бояться какого-то там предначертанного будущего просто смешно. Иначе он не заслуживал бы имени Сатору Годзё.

<http://bllate.org/book/18256/1755732>